

Бешеная собака, пей лекарство! — Гу Цзинцзэ пришел в ярость, заметив, что человек на кровати полностью его игнорирует. Его это ужасно раздражало.

Все дело было в том, что он перепробовал всё: и ласковые уговоры, и грозные угрозы, но тот словно был глух. Казалось, перед ним прирожденный упрямец, которого необходимо приручить.

Цзян Фэн с презрением бросил взгляд на Гу Цзинцзэ и холодно отозвался: Не буду. Пей сам, я... М-м-м!

Он даже не успел закончить свою тираду, как Гу Цзинцзэ, предугадав его намерения, накрыл его губы своими.

— Черт... опять кусаешься! — Гу Цзинцзэ, прикрывая кровоточащую губу, начал жаловаться на лежащего перед ним Цзян Фэна.

Почувствовав во рту вкус крови, Цзян Фэн ничуть не раскаялся. Глядя на то, как Гу Цзинцзэ попал впросак, он торжествующе усмехнулся: Кто просил тебя пользоваться... моим состоянием? Поделом тебе, сама же говорил, что я бешеная собака.

Цзян Фэн хотел было высказаться грубее, но в голове внезапно всплыли слова Гу Цзинцзэ, и он тут же сменил тон, не желая, чтобы этот извращенец добился своего.

— Ха, молодец, хорошая псина. Уже знаешь, что нельзя выражаться? — заметив, что Цзян Фэн намеренно избегает ругательств, Гу Цзинцзэ решил не уступать.

Затем последовал поток насмешек, в которых он ни в чем не желал уступать Цзян Фэну.

Увидев это, Цзян Фэн, разумеется, не мог позволить себе оказаться в проигрыше. Он решил действовать вопреки желаниям Гу Цзинцзэ: стоило ему улучшить момент, как он тут же начинал ругаться, причем каждый раз новыми словами, чем приводил Гу Цзинцзэ в крайнее раздражение.

Но Гу Цзинцзэ тоже был не из робкого десятка: как только Цзян Фэн открывал рот для ругательств, он тут же затыкал его поцелуем. Даже если это грозило кровавыми ранами, он был полон решимости усмирить скверный характер Цзян Фэна.

.....

Спустя несколько раундов Цзян Фэн сидел, прикрывая опухшие губы, и с подозрением и досадой поглядывал на Гу Цзинцзэ.

Тот же, невозмутимо дезинфицируя ватной палочкой рану — до жути боясь подхватить бешенство — попутно не упускал случая поддразнить Цзян Фэна:

— Лекарство-то ты все равно выпил, пусть и таким радикальным способом...

При мысли о том, что именно только что вытворял Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн пунцово покраснел. Он поспешно натянул одеяло на голову, чтобы спрятаться от нападков этого подонка.

Тихо бормоча под одеялом проклятия...

Он был уверен, что Гу Цзинцзэ его не слышит. Но кто бы мог подумать, что этот тип, заметив, как он прячется, тихонько подкрался и начал подслушивать через слой ткани!

Так Цзян Фэн попался с поличным.

Стоило Цзян Фэну тихо выругаться, как Гу Цзинцзэ тут же целовал его.

Самое обидное, что этот подонок специально ждал, пока он закончит фразу, прежде чем предпринять ответные меры, а не обрывал его на полуслове!

Цзян Фэна переполняла ярость, но он был не в силах встать, чтобы задать взбучку этому мерзавцу, и ему оставалось только позволять ему пользоваться ситуацией, после чего тот преспокойно скрывался.

— Гу! Цзин! Цзэ! Я с тобой еще поквитаюсь!

.....

— Собирайся. Ты ведь говорил, что уедешь сегодня после обеда? — смягчившись, спросил Гу Цзинцзэ, увидев Мин И, который внизу занимался данными.

Мин И снял наушники и на всякий случай переспросил Гу Цзинцзэ, чтобы убедиться, что не ослышался.

Когда смысл слов дошел до него, его доселе спокойное состояние взорвалось, словно вулкан. Бушующая ярость, подобно прорвавшейся плотине, хлынула в сердце, казалось, она вот-вот разорвет тело на части и рванет в небеса!

С окаменевшим лицом он обратился к Гу Цзинцзэ: Брат Гу, вы, часом, не забыли, о чем говорили сегодня утром? Может, мне стоит напомнить вам об этом?! — Мин И злился все больше, но, вспомнив о двойной оплате, сдержался и вежливо напомнил Гу Цзинцзэ,

полностью соответствуя образу сознательного работника.

В конце концов, деньги зарабатываются тяжким трудом...

Гу Цзинцзэ на мгновение задумался и вскоре все вспомнил. Однако он все же решил уехать после обеда, так как опасался, что Цзян Фэн устроит истерику и отправится на его поиски, даже несмотря на то, что сейчас едва мог передвигаться.

На самом деле, он не боялся, но при мысли о встрече с таким достойным противником, как Цзян Фэн, внутри все же екало.

.....

Мин И нашел предлог, чтобы выйти из гостиной, и за углом направился в сад.

Осторожно оглядевшись по сторонам, он убедился, что никого нет, и во весь голос начал выплескивать свое негодование:

— Проклятый капиталист! Верни мою молодость, верни мои честно заработанные деньги!

.....

Выплеснув накопившуюся злость, Мин И почувствовал, как на душе стало легче. Он ощутил прилив сил, энергии в нем было больше, чем в десяти быках.

— Хорошо! Какое облегчение!

Гу Цзинцзэ осторожно приоткрыл дверь. Увидев, что Цзян Фэн его не замечает, он поспешил в свою гардеробную, тихо достал чемодан и начал собирать вещи.

Каждую вещь он укладывал с предельной осторожностью, боясь разбудить эту бешеную собаку. Хотя дверь была закрыта и снаружи ничего не было слышно, его не покидало странное ощущение, что стоит ему издать хоть звук, как Цзян Фэн примчится на этот шорох.

Спустя некоторое время Гу Цзинцзэ, глядя на набитый чемодан, перевел дух. Он поднял его так, чтобы не было шума, и на цыпочках вышел из комнаты.

Только он собрался переступить порог, как человек на кровати пошевелился. Гу Цзинцзэ от испуга застыл на месте, став неподвижным, словно манекен.

Он ожидал, что сейчас последует гневный рык Цзян Фэна, но, постояв так довольно долго и не услышав никаких действий, он с опаской обернулся — оказалось, что Цзян Фэн всего лишь повернулся на другой бок из-за неудобства.

— Фу-ух... напугал. И вправду, с бешеной собакой шутки плохи... — Гу Цзинцзэ похлопал себя по груди, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

После того как он пришел в себя, он мог бы благополучно уйти, но кто бы мог подумать: Гу Цзинцзэ почувствовал дискомфорт от того, что его не обругали, словно что-то застряло в горле, и на душе стало как-то не по себе.

Подумав немного, он отставил чемодан и на цыпочках подошел к кровати. Зрелище спящего Цзян Фэна показалось ему таким милым, что он не удержался и протянул руку, коснувшись его ресниц.

Те затрепетали, щекоча пальцы.

Увидев, что Цзян Фэн не проснулся, Гу Цзинцзэ набрался храбрости, осторожно забрался на кровать и крепко обнял этот кокон из одеяла.

— Цзян Фэн? — тихо позвал он, проверяя, не проснулся ли тот.

Неизвестно, услышал ли Цзян Фэн его голос, но он тихонько хмыкнул.

Видя, что метод работает, Гу Цзинцзэ, руководствуясь принципом — не боишься укуса, не бойся и собаки — приблизился к его уху и прошептал: Цзян Фэн?... Псинка?... А-а-а! Больно!

Не успел Гу Цзинцзэ насладиться игрой и благополучно отступить, как Цзян Фэн, который, похоже, только этого и ждал, впился зубами ему в ухо.

Глядя на мучения Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн почувствовал некоторое удовлетворение, но этого было мало, и он сжал челюсти еще сильнее, пока Гу Цзинцзэ не пришлось силой разжимать их рукой.

— Ссс... да ты что, научился ловить на живца? — Гу Цзинцзэ держался за ухо, в его голосе слышалось удивление, но ни капли злости.

— Хм! А у кого я этому научился? — холодно фыркнул Цзян Фэн, игнорируя слова Гу Цзинцзэ. В любом случае, месть состоялась, жаль только, что он не превратил его в одноухого.

— Моя псинка такая умная, вся в хозяина! — Гу Цзинцзэ, глядя на этот гордый вид Цзян Фэна, был в полном восторге и поспешил приласкать свою собачку, а то вдруг потом перестанет

признавать хозяина.

Это называется мышление торговца: всегда будь готов к непредвиденным обстоятельствам.

<http://bllate.org/book/22362/2344614>